

Язык отражает неадекватность мысли: наше бытие-в-мире — это бытие, лишенное трансцендентального смысла.

Любой текст, претендующий на утверждение чего-то однозначного, есть модель Вселенной, автор которой Демиург.

Всякий, кто может навязать намерения читателя намерениям автора, даже если автор и близко не хотел сказать чего-то подобного, является своего рода просветленным, который явил миру истинный, сокрытый смысл данного текста.

Процесс поиска подтекстов в каждом слове, каждой запятой, является бесконечным. В нем нельзя останавливаться. Знание чего-либо заключается в раскрытии тайного смысла, который указывает на иную тайну. Вопросы о финальной истине возникать не должно.

Подлинный читатель — это тот, кто осознал, что единственная тайна текста — это пустота.

Развивая свой подход, Эко выражает мысль о пустотности эзотеризма. При этом данное явление не перестает быть интересным с точки зрения его значимости для развития культуры. Как нам кажется, основываясь на подходе Умберто Эко, можно выстроить определенную методологию для изучения феномена западного эзотерицизма в культуре, при этом оставаясь на строго христианских позициях.

А. В. Белоусов
(ПСТГУ, МГУ)

«EMBEDDEDNESS» И «СЕМЕЙНОЕ СХОДСТВО» ЭЛЛИНСКИХ РЕЛИГИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Несмотря на то, что неизбывный интерес к греко-римскому миру и исследования классических древностей, начиная с эпохи Возрождения, были тем фундаментом, на котором еще до совсем недавнего времени стояла (как казалось!) нерушимая крепость европейского образования, изучение древней эллинской (да и римской!) религиозности лишь недавно преодолело стадию «собираательства» и «классификации» феноменов, эту сферу античной культуры составляющих. Основным препятствием, мешавшим скрупулезному германскому духу еще в XIX в. раскрыть во всей полноте обильно разлитое по сочинениям древних писателей *griechische Götterlehre*, была принципиальная (но тогда еще неосознанная) невозможность «слепить» единый образ отдельного греческого бога или даже героя. Пока исследователь собирал свойства и функции какого-либо одного божества, оказывалось, что остальные боги (и герои!) уже не нужны и что при полном собрании всех эпитетов и эпитетов божества или героя воедино получалось так, что отдельный, казалось бы, отвечающий только за один регион бытия, бог вмещал в полноте своих акривийно собранных свойств и функций всех божеств. Лучшие пособия по греческой мифологии и религии рубежа XIX–XX вв. (Отто Группе, Мартина Нильссона, «Лексикон» В. Рошера)¹ достигали уровня максимум хороших фактических компендиев, откуда мы до сих пор черпаем материалы, столь усердно ими собранные, и которые до сих пор незаменимы в нашей работе. Лишь в конце XIX столетия стало очевидно, что некое единое и всеохватывающее *griechische Götterlehre* невозможно и что свойства и функции тех же богов и героев разнствуют от региона к региону Древней Эллады. С тех пор описания культов, пантеонов и святилищ составляются по географическому принципу, а попытки «примирить» различные локальные факты эллинской религии средствами ученого «богословия» весьма редки. Выход в свет в 1955 г. второго тома «Истории греческой религии» Мартина Перссона Нильсона² был последним вздохом XIX в. в пространстве исследований эллинской религии уже века XX.

60-е и 70-е гг. были переходным временем смены исследовательских парадигм. Больших компендиев с претензией охватить все уже не появляется. Пробуются новые точки зрения, применяются новые подходы.

¹ *Gruppe O.* Griechische Mythologie und Religion-Geschichte. 2 Bde. Leipzig, 1906 (о нем см.: Bernays L. (hrsg.). Otto Friedrich Gruppe 1804–1876: Philosoph, Dichter, Philologe. (Paradeigmata 3). Freiburg-in-Breisgau, 2004); *W. Roschers.* Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Leipzig, 1884–1937; *Nilsson M. P.* Griechische Feste von religiöser Bedeutung. Mit Abschluss der attischen. Leipzig, 1906.

² *Nilsson M. P.* Geschichte der griechischen Religion. Die Religion Griechenlands bis auf die griechische Weltherrschaft. 1941. 2., durchgesehene und ergänzte Auflage 1955. 3. durchgesehene und ergänzte Auflage 1967. Nachdrucke 1976, 1992; Die hellenistische und römische Zeit. 1950. 2., durchgesehene und ergänzte Auflage 1961. 3., durchgesehene und ergänzte Auflage 1974. 4., unveränderte Auflage 1988.

Структурализм 60-х гг. позволил школе Ж.-П. Вернана³ приблизиться к пониманию греческого пантеона как системы и показать наличие иерархии в этой системе. Отныне история локальных пантеонов становится историей греческой религии *par excellence*.

Начиная с темных веков, Эллада развивается как конгломерат различных сообществ с различным социальным, экономическим и, наконец, государственным устройством, и это различие также имеет и религиозное измерение. Пантеоны — отражения этих общественных образований, они так же в свою очередь отличаются друг от друга, как полис Афин отличается от полиса Спарты или причерноморской Ольвии.

В основополагающей ныне книге о греческой религии, вышедшей во втором (английском) издании в 1985 г., Вальтер Буркерт уже прямо вопрошает: «Не должны ли мы писать историю греческих религий, а не религии?»⁴ Именно в это время и «пришелся ко двору» термин, использованный в свое время Людвигом Витгенштейном для описания сходства «языковых игр». В § 67 «Философских исследований» (1953) Л. Витгенштейн писал:

«Я не могу придумать никакого лучшего выражения для характеристики этого сходства, чем “семейное сходство”; ибо именно так переплетаются и пересекаются различные линии сходства, существующие между членами одной семьи: рост, черты лица, цвет глаз, походка, темперамент и т.д. и т.п. — И я буду говорить: “игры” образуют семью».

Данное понятие, как оказалось, лучше всего подходит для описания разницы между локальными пантеонами, отдельными богами и культами эллинской религии. И это первая аксиома современного подхода к изучению греческих культов — они похожи друг на друга по принципу «семейного сходства»⁵.

Между тем, еще один момент (а точнее целая группа факторов) мешал концептуально «схватить» эллинскую религию как целое, а именно отсутствие социального класса «жрецов», отсутствие единого религиозного учения, изначальная несвязанность религии с моралью, посяторонность вкупе с ритуализованностью и, наконец, ее совершенно общественный характер. Очень долгое время эти проблемы не получали разрешения и всякий раз декларировались как «список» аксиоматических фактов о греческой религии.

К сожалению, идеи из смежных наук распространяются в классических исследованиях (особенно в нашем пространстве) достаточно медленно. Лишь в 1990-х гг. понятие социально-экономической теории Карла Полаanyi «*embeddedness*» («погруженность, включенность, внедренность») стали использовать для описания сущностных характеристик древней эллинской религиозности⁶. Полаanyi отмечает, что «экономическая деятельность человека, как правило, полностью подчинена общей системе социальных связей... экономическая система приводится в действие неэкономическими мотивами». «*Economic systems, as a rule, are embedded in social relations*»⁷. По мнению К. Полаanyi, традиционные экономики управляются принципами, которые сами по себе не являются экономическими: это взаимность (*reciprocity*), перераспределение и принцип домашнего хозяйства (греческая *oeconomia*). Действенность этих принципов обеспечивается институциональными моделями симметрии, центричности и автаркии.

Понятие «*embeddedness*» действительно хорошо концептуализирует греческую религиозность, объясняя даже сам факт отсутствия в древнегреческом языке слова для обозначения религии. Религия у древних греков настолько гармонично вплетена (погружена) в социальные отношения, что теперь любое явление эллинского гения может с полным правом рассматриваться как религиозное. Эллинская религия, пользуясь грубой аналогией, схожа с тем соусом, при удалении которого блюдо становится «никаким», между тем как сам соус уловить в блюде практически невозможно. В плане «внедренности» эллинской религии в общество с легкостью разрешается ряд старых проблем. Например, проблема античного «атеизма» и связанных с нею афинских судебных процессов по обвинению в «нечестии» (ἀσέβεια) и даже «дело Сократа». «Безбожным» эллины классической эпохи называли лицо, не оказывающее должного почтения по отношению к отеческим богам⁸. В условиях «включенности» религии в общество «атеизм» в новоевропейском смысле просто немыс-

³ Vernant J.-P. Mythe et société en Grèce ancienne. Paris, 1974 (особенно p. 117 слл.). Vide atque: Bremmer J. N. Greek Religion. Oxford, 1994 // Greece & Rome. New Surveys in the Classics. № 24. P. 14–26.

⁴ Burkert W. Greek Religion. Archaic and Classical / transl. by J. Raffan. Cambridge : Mass., 1985.

⁵ Bremmer J. N. Greek Religion. P. 1.

⁶ Ibid. P. 2–4.

⁷ Полаanyi К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени / Пер. с англ. А. Васильева и А. Шурбелева, под общ. ред. С. Е. Федорова. СПб. : Алетейя, 2002. С. 58.

⁸ Cf. : Plat. Apol. 26b-c : Πρὸς αὐτῶν τοίνυν, ὦ Μέλητε, τούτων τῶν θεῶν ὧν νῦν ὁ λόγος ἐστίν, εἰπὲ ἔτι σαφέστερον καὶ ἐμοὶ καὶ τοῖς ἀνδράσιν τουτοῖσι. ἐγὼ γὰρ οὐ δύναμαι μαθεῖν πότερον λέγεις διδάσκειν με νομίζειν εἶναί τινας θεοῦς—καὶ αὐτὸς ἄρα νομίζω εἶναί θεοῦς καὶ οὐκ εἶμι τὸ παράπαν ἄθεος οὐδὲ ταύτη ἀδικῶ —οὐ μέντοι οὐσπερ γε ἡ πόλις ἀλλὰ ἑτέρους, καὶ τοῦτ' ἔστιν ὃ μοι ἐγκαλεῖς, ὅτι ἑτέρους, ἢ παντάπασί με φησὶ οὔτε αὐτὸν νομίζειν θεοῦς τοὺς τε ἄλλους ταῦτα διδάσκειν. Vide : Dover K. J. Greek Popular Morality in the Time of Plato and Aristotle: In the Time of Plato and Aristotle. Hackett Publishing, 1994. P. 246–254. См. также : Bremmer J. N. Atheism in Antiquity // The Cambridge Companion to Atheism. Cambridge University Press, 2007. P. 11–26.

лим. Также вполне объяснимым становится отсутствие жреческой касты, ибо «религиозное» принадлежит всем. «Благочестие» (εὐσέβεια) не концептуализируется в пределах какого-нибудь догматического учения, а мораль мыслится естественным занятием «свободных» философов.

Таким образом, современная парадигма в исследованиях классических религий определяется двумя базовыми понятиями. Во-первых, «множественностью» эллинских религий, подобие которых мыслится в рамках понятия «семейное сходство», а во-вторых, «погруженностью» эллинской религии в единый массив общественной жизни полисов. Первое определяет особое измерение каждого отдельно взятого локального пантеона и мыслимой в соответствии с ним религиозной системы, насколько она может быть реконструирована из состояния «погруженности» в общественные отношения полиса.

История этих двух понятий в изучении эллинской религии представляется весьма поучительной, особенно для отечественного исследователя, поскольку на отечественном научном ландшафте, в общем концептуальном отношении, до сих пор преобладают пейзажи века девятнадцатого.

Иеромонах Варлаам (Горохов)
Тобольская православная духовная семинария

ЗАПАДНАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ РЕЛИГИИ И РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ (К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ИДЕЙ)

Феноменология религии на Западе и русская религиозная философия представляют собой два уникальных явления в религиозноведческой мысли XX в. и хотя они возникли в разных странах и культурах, между ними много общего. К большому сожалению, вопрос о взаимодействии идей западной феноменологии религии и русской религиозной философии практически не изучен в отечественной науке, как в церковной, так и в светской. Из последних публикаций следует указать статью М. М. Шахнович «В. С. Соловьев и феноменологическое религиозноведение» в сборнике «Очерки по истории религиозноведения», вышедшем в 2006 г. На необходимость соотнесения философии религии Р. Отто и представителей русской религиозной философии указывал отечественный исследователь Отто М. А. Пылаев в своей диссертационной работе «Философия религии Р. Отто» (1997)¹. Для церковной науки данный вопрос также очень важен, поскольку он непосредственно касается философского и богословского осмысления феномена религии.

Предпримем небольшой экскурс в историю западного феноменологического религиозноведения. Сам термин «феноменология религии» впервые встречается у голландского религиоведа П. Д. Шантепи де ла Соссея. Ученый считал, что «сопоставление и группировка различных религиозных явлений (религиозная феноменология) образует переход от истории религий к философии религии»². Другой голландский религиовед Корнелис Петер Тиле (1830–1902) в работе «Основные принципы науки о религии» писал следующее: «Антропология не только показала универсальность религии как человеческого проявления, но и обнаружила, что способ, каким она проявляется, и элементы, из которых она состоит, везде и во все времена по существу одни и те же. Чтобы рассмотреть эти постоянно возрождающиеся явления, мы должны расчленить религию, иными словами, сначала прибегнуть к феноменолого-аналитическому ее рассмотрению»³. Впоследствии раскрытие данного утверждения станет первостепенной задачей феноменологических исследований религии.

Здесь следует также упомянуть шведского религиоведа архиепископа Шведской Лютеранской Церкви Натана Зедерблома (1866–1931). По его мнению, для того, чтобы понять суть религии, недостаточно просто выделить ее элементарные формы, обосновывая это теориями анимизма, преанимизма и прамотеизма, и тем более не нужно выводить религию из нерелигиозных факторов, напротив, необходимо обращение к духовному миру человека. В своей работе «Становление веры в Бога» Зедерблом утверждал, что главным значимым критерием сущности религии является «различие между “священным” и “профанным”»⁴.

Этот взгляд также близок точке зрения основателя классической феноменологии религии Р. Отто (1869–1937), который понимал «священное» как априорную категорию религиозного опыта. Согласно его взглядам,

¹ См. также : Пылаев М. А. Западная феноменология религии. М., 2006. С. 22., 65–67; Пылаев М. А., Антонов К. М. «Святое» в русской философской мысли и в западной феноменологии религии // Религиоведение. 2008. № 3. С. 118–128.

² Иллюстрированная история религий: В 2 т. / Под ред. проф. Шантепи де ля Соссей. Репринтное издание. Т. 1. Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1992. С. 16.

³ Тиле К. П. Основные принципы науки о религии // Классики мирового религиозноведения: Антология. Т. 1 / Пер. с англ., нем., фр., сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. М., 1996. С. 146.

⁴ Зедерблом Н. Становление веры в Бога // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиозноведения: Антология / Пер. с англ., нем., фр., сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. М., 1998. С. 280.